

Михаил Венюков

Очерки Заилийского края и Причуйской страны

Михаил Венюков

**Очерки Заилийского края
и Причуйской страны**

«Public Domain»

1861

Венюков М. И.

Очерки Заилийского края и Причуйской страны /
М. И. Венюков — «Public Domain», 1861

«Я переехал реку Или и вступил в жаркую долину ее левого берега, 1 мая 1859 года. Окрестности Алматов, или укрепления Верного, уже представляли в то время всюду засеянные поля; но на них самая свежая зелень только что пробивалась, составляя противоположность с густою, хотя невысокою травой лугов, уже пестревших цветами; абрикосовые деревья, местами разросшиеся в три и четыре года до высоты двух и трех сажень, – давали хорошую тень своими молодыми ветвями. На горах снежная линия держалась еще ниже 9-ти футов, но отклоны их ближе к подошвам уже были покрыты весенней растительностью...»

© Венюков М. И., 1861

© Public Domain, 1861

Содержание

I. Алматы	6
II. Киргизы в Верном. Султан Али	8
III. Поход. Большая орда	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Венюков Очерки Заилийского края и Причуйской страны

Султан Большой орды Мамыр-хан Рустемов. Рис. А. Померанцева. 1851

I. Алматы

Я переехал реку Или и вступил в жаркую долину ее левого берега, 1 мая 1859 года. Окрестности Алматов, или укрепления Верного, уже представляли в то время всюду засеянные поля; но на них самая свежая зелень только что пробивалась, составляя противоположность с густою, хотя невысокою травой лугов, уже пестревших цветами; абрикосовые деревья, местами разросшиеся в три и четыре года до высоты двух и трех сажень, — давали хорошую тень своими молодыми ветвями. На горах снежная линия держалась еще ниже 9-ти футов, но отклонялись их ближе к подошвам уже были покрыты весенней растительностью.

Укрепление Верное устроено в 1854 году, когда положено было основание утверждению нашему в Заилийском крае, у подножий Алатау. Небольшая, но довольно живописная речка Алматинка, выбегая из гор и раздробляясь на многочисленные арыки, орошает эту военно-земледельческую колонию с пятью или шестью тысячами душ населения. Средоточие управления Большою ордою киргизов и военных средств наших в этом краю придает Верному довольно оживленный вид. К сожалению, несмотря на обилие страны камнем и, напротив, бедность ее в лесах, которые встречаются только по горам, Алматы построены исключительно из дерева. Новенькие, чистенькие домики смотрят пока приветливо, но, без сомнения, скоро примут несколько мрачный вид. Тогда придется еще раз пожалеть об этом странном свойстве славянской расы предпочитать все скороспелое, хотя бы и недолговечное, прочному, но медленно воздвигаемому. Я не могу согласиться с мнением тех, которые говорят, что каменные или сырцовые постройки, которые очень удобны в сухом и теплом климате Верного, обходятся настолько дороже деревянных домов, что их не стоит и возводить. Скорее можно согласиться на недостаток капиталов в новом краю; но и эта вещь очень условная. Большинство алматинцев — и не только казаков, а и лиц всех сословий — занимается земледелием; эта промышленность там весьма выгодна, ибо казна берет все излишки хлеба без остатка и платит хорошие цены — от шести до девяти рублей серебром за четверть. Кроме того, часть хлеба и получаемого некоторыми казаками из заведенных уже пчельников меду имеет сбыт на вновь устроенной пивной и медоваренный завод. Наконец, торговля, как мануфактурными изделиями, так и сырыми продуктами, приносит здесь даже по сибирским понятиям хорошие барыши.

Алматы когда-нибудь, и, надобно полагать, скоро, могут сделаться немаловажным торговым местом для всей Средней Азии. Небольшая татарская слободка, с мечетью, которая теперь составляет южную часть поселения, обещает в будущем развиться в обширный коммерческий город. Положение Алматов на половине пути из Кульджи в Коканское ханство и из Кашгара в Семипалатинск позволяет надеяться, что многие капиталисты трех соседних государств охотно перенесут свою деятельность и средства в это средоточие торговых дорог. Тогда степи Большой орды оживятся, произведениям киргизского хозяйства будет обширный сбыт, и сами киргизы сделают важнейший шаг к цивилизации, перейдя от быта кочевого хищника к жизни мирного пастуха, а отчасти и земледельца. Впрочем, и теперь с каждым годом коммерческое значение Верного возрастает; это видно из того, что караваны, которые еще в 1856 году проходили обыкновенно не останавливаясь, теперь постоянно разгружаются здесь для торговли, хотя еще большею частию местной. Обширные закупки скота делаются ежегодно в окрестностях не только для Кульджи и Ташкента, но и для Петропавловска, до которого с лишком тысяча двести верст. Построенные здесь лавки, в числе более двадцати, все уже заняты, и кроме их торговля производится во многих домах.

Земледельческие условия алматинских станиц очень благоприятны. Высота их над морем около 2500 футов; средняя влажность весеннего воздуха в после полудня 0,52. Эта цифра ясно показывает, что иссушающее влияние степей не вредит стороне подгорной и

уравновешивается здесь близостью вечного снега. Для сравнения стоит вспомнить, что и в Средней Германии, недалеко от моря, влажность воздуха между 3 и 4 часами пополудни, в мае месяце, бывает 0,53. Но, конечно, это обилие паров в атмосфере, столь благодетельное для земледелия, встречается лишь в узкой полосе, соседней горам, и с удалением от них быстро уменьшается, так что к началу июня травы на местах неорошенных выгорают совсем. Широта Верного почти одинакова ($43^{\circ}16'$) с широтою Марсели, где средняя годовая температура $11^{\circ}3'$ R и где зреют оливки, померанцы и персики. Но влияние континентального климата определяет резкое различие между ними, и если жаркое лето позволяет с успехом разводить в Алматах виноград [не для вина, впрочем, как то не без основания было замечено уже в «Вест. Георг. об.» г. Голубевым], абрикосы, груши и превосходные дыни, то растения, требующие умеренной зимы, неспособны к водворению здесь. Крайности температур простираются в течение года до 47° R, так что летом бывают жары в 29° , а зимою мороз в -18° по Реомюру.

После утомительной поездки по степи можно с удовольствием отдохнуть в Алматах не только физически, но и нравственно. Образованный кружок, почти исключительно офицерский, много читает; при штабе квартирующего здесь батальона основалась уже небольшая библиотека и получается немало журналов. Зато женского общества, к сожалению, почти нет. Между казаками грамотность распространяется из двух станичных школ, которые шутя названы университетами. В татарской слободе учат детей муллы и некоторые грамотные татары. При дороговизне учебных пособий и недостатке преподавателей это уже большие шаги. С основанием публичного сада, которым заведует ученый садовник из Крыма, несколько мальчиков поступили к нему для обучения садоводству.

II. Киргизы в Верном. Султан Али

Нечего и говорить, что Верное, как столица Большой киргизской орды, представляло для меня много занимательного на первое время. Гостеприимный характер алматинцев облегчал знакомство со всеми особенностями местного быта. Осмотреться и привыкнуть к новой обстановке было легко. Меня особенно занимали киргизы, которые часто разъезжают по улицам Алматов с той же патриархальной безжеманностью, как и в степи. Верблюды, корова, длинношей аргамак и небольшой степной иноходец одинаково часто попадаются под этими пестрыми всадниками. Впрочем, истинный джигит, т. е. не совершенно бедный киргиз, никогда не покажется иначе как на коне. Быки и верблюды суть достояние пастухов и работников в поле, или эгиничей. Аргамаки, напротив, встречаются только у людей очень достаточных и почетных, да и ими употребляются не всегда. Даже почтенный султан Али, патриарх Большой орды, собравшись навестить Верное пред началом моей экспедиции 1859 г., приехал просто на бегунце, т. е. на резвой и крепкой лошадке обыкновенной породы. Само собою разумеется, что многие из его свиты имели и иноходцев, очень обыкновенных в степи и ценимых особенно за их способность к быстрому и спокойному бегу.

Султан Али есть глава самого большого отделения орды, так называемых дулатовских киргизов. Старик этот много видел на своем веку и, быв подданным трех государств, научился применяться к обычаям людей так, что изворотливость его ума во многих случаях замечательна. Меня предупредили об его намерении сделать мне визит и объяснили, что это должно считать за особую честь, ибо почтенный потомок Аблай-хана не очень податлив на посещения, а иной раз его не дозовешься в Верное даже по служебным надобностям, хотя он и получает от казны 350 р. с. жалованья. Начальник округа сам принял на себя труд познать меня с Али, но у меня в квартире, чтоб поддержать в глазах киргизов достоинство офицера, присланного из Петербурга, т. е., по понятиям их, от самого Государя. Я старался по возможности понравиться старику и дать ему понять, что высоко ценю и старшинство его над всеми в орде, и честь, которую сделал он мне своим посещением. Али отвечал той же монетой с присоединением азиатских любезностей. «Я не сомневаюсь, султан, – говорил я ему, – что народ ваш счастлив, имея вас своим родоправителем. Слава о вас достигла до меня даже в Петербурге, и теперь я вижу, что она еще представила мне только половину ваших достоинств». – «Не говорите этого, – отвечал старик. – Я правлю народом лишь так, как велит падишах – да хранит его небо, – и пристав. Вы знаете, что дерево, пока не попало к столяру, есть просто чурбан, а в руках его становится так же полезным и красивым, как это кресло или вот этот стол. Мы с нашим народом то же: пристав наш столяр, а мы дерево. Если б не он, по воле падишаха, мы бы и остались простыми чурбанами». – «Вы слишком скромны, султан. Можно ли так говорить тому, чей ум так же остр как бритва, хорошо отведенная на оселке, и воля, направленная к добру, столь же тверда, как сталь. Разумеется, все мы только исполняем волю государеву и каждый, находящийся в Верном, должен слушаться пристава; но ведь вы, султан, сами слишком большое лицо в орде. От вас зависит, будет ли народ привержен к государю и поставленным от него, или нет». – «Народ наш не может быть неприверженным к падишаху и к тем, кого он, в милости своей, поставляет над нами. Мы все здесь живем вместе как две руки: вы, русские, – правая, мы – левая, а пристав наша голова (и он сложил обе руки так, что пальцы одной приходились в промежутках пальцев другой). Худо было бы, если б левая рука не слушалась правой и обе не делали того, что им велит голова».

Али, как я сказал, был подданным трех государей. Еще в юности он ездил в Пекин представляться ко двору богдыхана Цзяцина; но об этом посещении от него нелегко услышать рассказ. После того долгое время весь его род был подвластен Кокану, хотя депутаты

орды и присягнули уже России. Рассказывают, что когда однажды коканцы во что бы ни стало хотели прекратить и номинальную зависимость ордынцев от русских, между султанами и биями действительно составилась заговор, и уничтожение Капала должно было служить целью восстания. На Али, кочевавшего тогда по Коксу, хотели возложить почин дела; но умный старик, взвешивая вероятность успеха, воздерживался. Это послужило поводом к упрекам и нареканиям. «Достопочтенные султаны и бии, – писал тогда Али к соплеменным родоначальникам, – змея, когда идет к норе, ползет тихо и извиваясь; только лишь у самого отверстия она выпрямляется, и тогда уже быстро стремится к цели». Умный ответ затянул дело, и оно потом само собою расстроилось.

III. Поход. Большая орда

12 мая 1859 г. экспедиционный отряд двинулся из Верного на запад и на другой день перешел за реку Каскелен, которая довольно многоводна, имеет на берегах своих, у дороги, прекрасные луга и места для пашен, а при вершине перевал через хребет в долину Кебина. Каскеленское ущелье представляет границу лесов на запад от Верного; далее, к Ит-Кичу, мы не встречали ни одного дерева, за исключением барбариса, шиповника и некоторых других кустарников. Вообще можно заметить, что в горах Средней Азии леса по их отклонам встречаются только там, где на вершинах есть вечный снег, питающий влагою почву. Без этого условия степная атмосфера сушит молодые деревья, как только они начнут распускаться. Этой же сухостью объясняется то, что южные скаты гор вовсе не имеют леса. В знойной долине Чу, близ устьев Каракунуса, мы встретили только небольшое число деревьев у самого русла речки; но зато можно прибавить, что это были шелковичные и персиковые деревья.

Между Каскеленом и Кастеком, по мере удаления нашего от Верного, к нам начали присоединяться киргизы, вызвавшиеся сопровождать отряд охотниками, в надежде на получение наград. Между этими батырями было несколько почетнейших лиц в орде, цвет мужества или знатности породы. В этих людях не без удовольствия можно было заметить некоторые следы цивилизации, которыми они обязаны исключительно русским. Так, некоторые султаны и бии выражали мне желание отдать своих детей в кадетский корпус и даже громко досадовали на своих родственников и жен, которые противились этому намерению, боясь, что дети среди русских утратят свою религию и любовь к родному образу жизни. Другие киргизы сами более или менее образовались и приобрели некоторые европейские привычки; но, впрочем, должно заметить, что результатами их сближения с нами часто является и развитие порочных наклонностей: так, многие очень неумеренно пьют водку.

Вообще, Большая орда имеет более, чем другие, залогов к преуспеянию, как по удобнейшим географическим условиям своей степи, так и потому, что на устройство ее обращено особое внимание правительства. В числе истинно благотельных мер к поддержанию правильного ее развития принадлежит оставление неприкосновенным собственного внутреннего управления и суда биев. Хотя, разумеется, старшие султаны, правители главных родов орды, во всех важнейших своих действиях руководятся приказаниями нашего пристава, но все же за ними оставлено большое право решать почти все дела, возникающие в народе. Суд биев, т. е. почетных старшин, также благодетелен для страны, еще совершенно азиатской по характеру; он скор, благодаря словесному судопроизводству, и основывает свои решения на обычаях народа. Одна его невыгода, что судье платит обыкновенно и правый, и виноватый. Из этих приношений у влиятельнейших султанов и биев составляются немаловажные богатства [*Наиболее богатые в орде лица суть: буднаевский бий Байсирке, некогда пользовавшийся особым значением и уважением коканцев, атбановский Малай, султаны Али, Иралы и Тезек и пр.*]. Старшие султаны, кроме того, ежегодно получают по одному барану с аула: этими баранами они продовольствуют всех, кто приходит к ним для разбирательства дел; ибо таков обычай народа, что судья должен накормить и приютить тех, которые вверяют ему решение своих дел и защиту своих интересов. Суду старших султанов обыкновенно подлежат дела большей важности, чем местных биев; но в самых важных случаях решается все общим собранием последних наравне с султанами. Это особенно относится к большим барантам и убийствам.

В известном и достойном уважения по своей точности труде А. И. Левшина о Киргизских степях находится очень немного сведений о Большой орде, которая в двадцатых годах нашего века была очень малодоступна. Вот почему стоит хоть вкратце упомянуть о ее

составе. В наших пределах кочуют три главные ее отделения: джалаиры, атбаны с суванами и дулаты различных подразделений, часть которых переходит за Чу, к Таласу и горам Боролдайским. Эти последние сливаются уже с уйсунками, или юсуновцами. Самое многочисленное [Мы имеем следующие сведения о составе главных подразделений дулатов. Отделение сейкым имеет до 795 аулов, отделение джаныс (роды джайлымыс, балс, кыбрай, кашкарау и др.) 1090 аулов; бутпай (роды чогай, кудайгул, исенбай и пр.) 785 аулов, чемыр 1770 аулов, сары-усюн 300 аулов, исты 300. Последние кочуют на острове Комау и по низовьям Или.] колена есть дулаты. Они занимают всю страну на северо-востоке от Чу и хребта Алатау до южного конца Балхаша, прохода Алтын-Имель, и на востоке до речки Тюргеня. Восточнее, по Чилику, Чарыну и на правом берегу Или, до Коксу, кочуют атбаны, отчасти переходя и в китайские пределы, где за пользование пастбищами уплачивают дань. На крайнем севере Большой орды, по реке Караталу и его мелким притокам, рассеяны джалаиры, самое сгруппированное из трех отделений орды, которого численность можно определить в 25 000 душ. Атбаны с суванами малочисленнее их и составляют не более 20 000 душ; но, впрочем, оба эти определения очень приблизительны, ибо сосчитать киргизов трудно, особенно в Большой орде, где они податями не обложены. Помещаемые здесь цифры основаны на показаниях нескольких биев о числе аулов и юрт. Придерживаясь тому же способу исчисления, можно сказать, что дулатов с юсуновцами находится по крайней мере до 70 000 душ. Таким образом, все население Большой орды будет простираться до 115 000 душ, и эта цифра лишь немногим будет отступать от помещенной академиком Кеппеном в его «Девятой ревизии».

Летом киргизы везде, где только есть горы, уходят на них. Так было и тогда, когда двинулся наш отряд от Верного. Многочисленные аулы разных дулатовских родов были рассеяны по предгорьям Алатау и по некоторым речкам, вдоль которых хорошие травы растут и вдали от гор. Надо заметить, что степь в мае представляет очень обильные корма вообще; но киргизы вынуждены бывают уходить в горы от огромного числа мух на низменности. Этих мух, в самом деле, очень много и они сильно беспокоят скот, доводя его до изнурения. Только в июле киргизы решаются спускаться в равнину, но и то лишь с самой малою частью стад, оставляя главнейшую на горах почти до начала осени и угоняя животных под самую снежную линию. В половине июля, когда я вернулся с реки Чу и делал восхождение на Талгар, мне встречались большие табуны прекрасно откормленных кобыл с жеребятами по крайней мере на высоте 9 000 фут. под уровнем моря, быть может, и выше. Одна невыгода этих горных кочевков состоит в том, что стада часто подвергаются нападениям барантчей из Дикокаменной орды, особенно от султы и сары-багишей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.